

Конспект урока по литературе.

Урок № 1. Введение.

Коррупция в произведениях русских писателей.

Цель: познакомить учащихся с художественными произведениями, где имеются эпизоды, связанные с коррупцией, а также методы борьбы с ней.

В России началась радикальная борьба с коррупцией.

Заявление кажется суперсовременным, но впервые оно прозвучало в 1845 году, в царствование Николая I.

С тех пор борьба с мздоимством, казнокрадством и лихоимством только усиливалась, а русская литература обретала сюжет за сюжетом.

— Вот, жена,— говорил мужской голос,— как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу беспорочно...

По указам велено за добропорядочную службу награждать. Но царь жалует, а псарь не жалует. Так-то наш г. казначей; уже другой раз по его представлению меня отсылают в уголовную палату (отдают под суд.— «Деньги»)...

— Знаешь ли, за что он тебя не любит? За то, что ты промен (плата, взимаемая при обмене или размене одних денег на другие.— «Деньги») берешь со всех, а с ним не делишься.

Подслушавший этот разговор герой радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», написанного в 1780-х годах, поутру узнает, что в одной избе с ним ночевал присяжный с женою.

«А что мне прибыли, что я служу беспорочно...» — «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева воспринималось современниками как приговор режиму, основанному на мздоимстве.

Героиня произведения, датированного 1813 годом, пребывавшая в курятнике судьей, «выслана за взятки», мчит оттуда во весь опор, но пытается доказать встретившемуся на дороге Сурку, что «терпит напраслину».

Сурок верит неохотно, ибо «видывал частенько», что рыльце у Лисы в пушку. Крылов в «Лисе и Сурке» формулирует «мораль сей басни» так:

«Иной при месте так вздыхает,

Как будто рубль последний доживает.

...А смотришь, помаленьку,

То домик выстроит, то купит деревеньку».

И наконец, 1820-е.

Хилое имение батюшки отнял богатый сосед-самодур.

Без всяких на то юридических оснований, но суд берет взятки и решает в пользу сильного и богатого. Отец умирает с горя. Сын, лишенный состояния, подается в разбойники. Грабит и убивает людей. Вспомнили школьную программу? Сколько было убито, Пушкин не сообщает, пишет лишь, что, когда банду Дубровского окружили 150 солдат, разбойники отстреливались и победили. Коррупция порождает целую цепочку бед.

Уже через три года после захвата власти — к 1920 году — большевики превратились в партию жуликов и воров. Кумовство, откаты, махинации с ценами и обычные взятки стали массовым явлением, так что РСДРП(б) была вынуждена приступить к масштабным чисткам.

Лев Лурье в вышедшей уже в наши дни книге «Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка» констатирует, что взятки в николаевской России брали повсеместно, а казнокрадство вошло в привычку: «Главнуправляющий путями сообщения граф Клейнмихель украл деньги, предназначавшиеся на заказ мебели для сгоревшего Зимнего дворца. Директор канцелярии Комитета о раненых Политковский на глазах и при участии высших сановников прокутил все деньги своего комитета. Мелкие сенатские чиновники сплошь строили себе в столице каменные дома и за взятку были готовы и оправдать убийцу, и упечь на каторгу невинного. Но чемпионами в коррупции являлись интенданты, отвечавшие за снабжение армии продовольствием и обмундированием. В результате за 25 первых лет царствования Николая I от болезней умерло 40% солдат русской армии — более миллиона человек (при этом военное министерство беззастенчиво врало императору, что улучшило довольствие солдат в девять раз)».

Воруют все!

В гоголевском «Ревизоре», написанном в 1836 году, воруют и берут взятки все чиновники. Городничий «пилит» бюджет: «...если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую год назад была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела... А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась».

А кроме того, он возложил дань на купцов. «Такого городничего никогда еще... не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя... Что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим.

Нет, вишь ты, ему всего этого мало... придет в лавку и, что ни попадет, все берет.

Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снесика его ко мне»...

А в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят... не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что... сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит.

Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины», — жалуются купцы Хлестакову.

Версия городничего: купцы мошенничают, потому «откат» справедлив: на подряде с казною «надувают» ее на 100 тыс., поставляя гнилое сукно, а потом жертвуют 20 аршин.

«Оправданием» взяточничества ему служит «недостаточность состояния» («казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар») и скромный размер мзды («если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья»).

Все чиновники и купцы небольшого городка, куда заявился Хлестаков, несут ему взятки под видом денег займа.

Первым успевает городничий: «Ну, слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул».

В итоге собирается внушительная сумма: «Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! За тысячу перевалило...»

Уже после этого подсчета городничий дает еще, а его дочь жалует персидский ковер, чтобы герою было удобнее ехать дальше. Старательно пытаются увернуться от взяток лишь помещики Бобчинский и Добчинский, у этих на двоих нашлось «займы» всего 65 руб. Может, потому что их не в чем было обвинить?

Честный чиновник

В повести Александра Пушкина «Дубровский» коррупция в суде порождает целую цепочку бед.

Проходит 33 года, и в русской литературе возникает образ честного чиновника. Это Алексашка Рыжов, кварталный уездного города Солигалича Костромской губернии — герой рассказа Лескова «Однодум» из цикла «Праведники».

«Казенного жалованья по этой четвертой в государстве должности полагалось всего десять рублей ассигнациями в месяц, то есть около двух рублей восьмидесяти пяти копеек по нынешнему счету». (Речь идет о более давних временах — Рыжов родился еще при Екатерине II.)

Квартальническое место, хоть и не очень высокое, «было, однако, довольно выгодно, если только человек, его занимающий, хорошо умел стащить с каждого воза полено дров, пару бураков или кочан капусты». Но кварталный ведет себя по местным меркам странно и числится «поврежденным».

В его задачи входит «блюсти вес верный и меру полную и утрясенную» на базаре, где его мать торговала пирогами, но мать он посадил не на лучшее место и отверг приношения «капустных баб», пришедших на поклон.

Не является Рыжов с поздравлениями к именитым горожанам — потому что ему не на что обмундироваться, хотя у прежнего кварталного видели «и мундир с воротом, и ретузы, и сапоги с кисточкой». Мать похоронил скромно, даже молитву не заказал. Не принял подарков ни от городничихи — два мешка картофеля, ни от протопопицы — две манишки собственного рукоделия. Начальство пытается его женить, потому что «из женатого... хоть веревку вей, он все стерпит, потому что он птенцов заведет, да и бабу пожалеет». Алексашка женится, но не меняется: когда жена взяла у откупщика соли на кадку груздей, жену побил, а грузди отдал откупщику.

Однажды в город жалует новый губернатор и расспрашивает местных чиновников о Рыжове, который теперь «и. о. городничего»: умерен ли насчет взяток? Городской голова сообщает, что живет тот только на жалованье. По мнению губернатора, «такого человека во всей России нет». На встрече с самим городничим Рыжов не лакействует, даже дерзит.

На замечание, что у него «очень странные поступки», отвечает: «всякому то кажется странно, что самому не свойственно», признается, что не уважает власти — потому что они «ленивы, алчны и пред престолом криводушны», сообщает, что не боится ареста: «В остроге сытей едят». И вдобавок предлагает губернатору самому научиться жить на 10 руб. в месяц. Губернатору это импонирует, и он не только не наказывает Рыжова, но и совершает невозможное: его стараниями Рыжову присваивается «дарующий дворянство владимирский крест — первый владимирский крест, пожалованный квартальному».

От мздоимства до лихоимства

Радикальная борьба с коррупцией на уровне законов в Российской Империи началась в позднее царствование Николая I с введением в 1845 году «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных».

После 1845 года взяткой мог быть признан даже карточный выигрыш.

Получение вознаграждения за действие без нарушений «обязанности службы» считалось мздоимством, с нарушениями — лихоимством, которого выделяли три вида: незаконные поборы под видом государственных податей, взятки с просителей и вымогательство. Последнее считалось наиболее тяжким. Взятку нельзя было брать ни через родственников, ни через знакомых. Преступлением было даже выраженное согласие принять взятку до самого факта передачи. Взяткой могли признать получение выгоды в завуалированной форме — в виде карточного проигрыша или покупки товара по заниженной цене. Чиновники не могли заключать никакие сделки с лицами, бравшими подряды от того ведомства, где они служат.

Наказание за мздоимство было относительно мягким: денежное взыскание с отстранением от должности или без. Вымогателя же могли отправить в острог на срок от пяти до шести лет, лишит всех «особенных прав и преимуществ», то есть почетных титулов, дворянства, чинов, знаков отличия, права поступать на службу, записываться в гильдии и пр..

При наличии отягчающих обстоятельств вымогателю грозила каторга от шести до восьми лет и лишение всех прав и состояния. Законодательство требовало, чтобы при назначении наказания лихоимцу не принимались во внимание чины и прежние заслуги.

Толку от уложения было немного. Так, согласно данным, приводимым Лурье, в 1840-1850-х годах на подкуп губернских чиновников откупщики (выигравшие конкурс на монопольную торговлю водкой в кабаках по всей губернии) тратили в среднем в год до 20 тыс. руб., тогда как годовое жалованье губернатора в те времена составляло от 3 до 6 тыс. «В маленьком городе поставляли в виде взяток до 800 ведер водки городничему, частным приставам и квартальным надзирателям (местной полиции)», — пишет Лурье.

В царствование Николая I чемпионами в коррупции были интенданты, отвечавшие за снабжение армии продовольствием и обмундированием.

Есть и литературные свидетельства того, что с изданием уложения практически ничего не поменялось. В романе Писемского «Люди сороковых годов», опубликованном в 1869-м, со взяточничеством сталкивается главный герой Павел Вихров — молодой помещик, сосланный служить «в одну из губерний» за свои вольнодумные сочинения. Вихров обнаруживает, что коррупцией пронизаны все взаимоотношения подданных с государством. Его первое дело — поймать с поличным и усмирить раскольников-поповцев. Едет в отдаленную деревню он вдвоем со «стряпчим государственных имуществ».

Вихров был бы рад не найти следов того, что поповцы молились не по православному обряду, ибо считает преследование по принципу вероисповедания неправильным, но у него есть свидетель. Тот, однако, тоже не прочь составить бумагу об отсутствии нарушений: он содрал с главного «совратителя крестьян в раскол» 10 руб. золотом для себя и столько же для Вихрова, но, поскольку тот взятку не берет, все оставил себе.

Следующее дело — «об убийстве крестьянином Ермолаевым жены своей» — секретарь уездного суда называет делом «о скоропостижно умершей жене крестьянина Ермолаева», ведь доказательств убийства нет.

Экспертиза тела Вихровым показывает, что у «умершей» проломлены череп и грудь, наполовину оторвано одно ухо, повреждены легкие и сердце.

Исправник же, который вел следствие, признаков насильственной смерти не заметил: Ермолаева откупил за 1000 руб. богатый мужик, за которого тот взялся отслужить в армии. Когда Вихров едет еще по одному делу, крестьяне собирают ему на взятку 100 руб. Вихров не только их не берет, но и требует расписку в том, что не взял.

Она ему пригодится, ведь честный человек неудобен — его попытаются выставить взяточником. По контексту понятно, что эти события происходят в 1848 году, то есть после принятия уложения.

Таинственная рука, питающая городских и уездных врачей, есть взятка», — писал Николай Лесков в статье «Несколько слов о полицейских врачах в России».

Почти документальное свидетельство того, что у всех категорий взяточников побочные, так сказать, доходы сильно перекрывали основные, — статья Лескова «Несколько слов о полицейских врачах в России» 1860 года. В ней автор уверяет, что официальный годовой доход врача — 200 руб., но «таинственная рука, питающая городских и уездных врачей, есть взятка», и «ни торговле, ни промышленности, по штату, не положено процветать».

В городе с 75 тыс. жителей у двух городских врачей семь статей постоянных доходов: «1) 4 житных базара по 40 рундуков, по 3 руб. с рундука, — всего 480 руб. серебра 2) 6 кондитерских, по 50 руб. с каждой — 300 руб. 3) 40 булочных, по 10 руб. с каждой — 400 руб. 4) Две ярмарки огулом 2000 руб. 5) 300 лавок и магазинов со съестными припасами и виноградными винами, по 10 руб... — 3000 руб. серебром. 6) 60 мясных лавок, по 25 руб. с каждой, — 1500 руб. и 7) ...общий доход со всех женщин, обративших непотребство в ремесло... около 5000 руб. серебром в год.

Таким образом, весь текущий годовой побор будет равняться 12 680 руб. серебром... а за отчислением 20 процентов в пользу влиятельных лиц медицинской и гражданской части... составит чистого дохода 9510 руб., то есть по 4255 руб. на брата.

Эти доходы достаются только за невмешательство... все экстренные взятки... тоже составляют значительную цифру...

Такие доходы суть: акты осмотров, составляющие чувствительную статью в стране, где много праздников, проводимых в пьянстве и драках, судебно-медицинские вскрытия, привоз несвежих и подозрительных продуктов, перегон скота и, наконец, рекрутские наборы, когда таковые случаются на слезы человечества и на радость городских и уездных врачей...»

В повести Лескова «Смех и горе», опубликованной в 1871 году, действие происходит в 1860-е: главный герой живет на выкупные свидетельства — процентные бумаги, выпущенные в ходе реформы 1861 года.

У него находят запрещенный текст — «Думы» Рылеева, и герою грозит арест.

Навязчивый знакомый беретса от этого отмазать: «... не хочешь ли, я тебе достану свидетельство, что ты во второй половине беременности?»

...С моего брата на перевязочном пункте в Крыму сорок рублей взяли, чтобы контузию ему на полную пенсию приписать, когда его и комар не кусал...

Возьмись за самое легкое, за так называемое «казначейское средство»: притворись сумасшедшим, напусти на себя маленькую меланхолию, говори вздор... Согласен? ...И сто рублей дать тоже согласен?» Герой готов и на триста, но столько нельзя: это «испортит» цены в Петербурге, где за триста «на родной матери перевенчают и в том тебе документ дадут».

В результате герой попадает в родную провинцию, где включается в земскую жизнь.

Один из проектов — построить в каждом селе школу. Дело благородное, однако строить хотят за счет мужиков и их руками, но неволить их теперь нельзя, а сами мужики пользы учения не понимают.

Дело идет туго. И тут оказывается, что есть в губернии один администратор, у которого все порядке. Он, «честный и неподкупный человек», «школами взятки брал». «Жалуется общество на помещика или соседей», а он, прежде чем вникать в дело, просит школу построить и тогда приходит. Взятничество воспринимается как норма, мужики покорно «дают взятку», и у него «буквально весь участок обстроен школами».

Казалось, что ежели уничтожить взятку... то вдруг потекут реки млека и меда, а к ним на придачу водворится и правда

В реальной жизни под расследования подпадало 5-6% чиновников, однако до обвинений дело доходило весьма редко, а высшие чины и под следствием оказывались в единичных случаях. Видимо, над этим иронизирует Салтыков-Щедрин в сатирических очерках «Помпадуры и помпадурши» (1863-1874 годы):

«Известно, что в конце пятидесятых годов воздвигнуто было на взяточников очень сильное гонение. С понятием о «взяточничестве» сопрягалось тогда представление о какой-то язве, которая якобы разъедает русское чиновничество и служит немалой помехой в деле народного преуспеяния. Казалось, что ежели уничтожить взятку... то вдруг потекут реки млека и меда, а к ним на придачу водворится и правда».

Результат «гонений», однако, был обратным: общество «от копеечной взятки прямо переходит к тысячной, десяти тысячной», границы взятки «получили совсем другие очертания», она «окончательно умерла, и на ее место родился «куш»». По мнению Салтыкова-Щедрина, коррупционер удобен властям: «ради возможности стянуть лишнюю копейку» взяточник «готов ужиться с какою угодно внутренней политикой, уверовать в какого угодно Бога».

Железнодорожная мзда

Согласно Лурье, во второй половине XIX века, когда в России начинают активно прокладывать железные дороги, получение концессий на это строительство становится самым взяточным. «Каждый подрядчик имел тайного или явного высокопоставленного акционера, лоббирующего в Зимнем дворце интересы своего «наперсника».

Для братьев Башмаковых — это министр внутренних дел граф Валуев и брат императрицы герцог Гессенский, для Дервиза и Мекка — министр двора граф Адлерберг, для Ефимовича — фаворитка государя княжна Долгорукая. И хотя формально на конкурсах оценивали предлагаемую стоимость версты железнодорожного пути, проработанность проекта, опытность инженера и подрядчиков, фактически шел конкурс влиятельных покровителей».

Многочисленные допинговые и коррупционные скандалы, связанные с большим спортом, заставляют вспоминать об Олимпийских играх в Древней Греции. Античные Олимпиады принято считать эталоном чистоты в спорте.

Мздоимствовать не гнушаются самые высокопоставленные вельможи. К шефу жандармов графу Шувалову обращается великий князь Николай Николаевич с просьбой устроить так, чтобы на слушаниях в кабинете министров некая железнодорожная концессия досталась определенному лицу.

На вопрос, почему его высочеству охота касаться подобных дел, князь отвечает: «...Если комитет выскажется в пользу моих proteges, то я получу 200 тысяч рублей; можно ли пренебрегать такой суммой, когда мне хоть в петлю лезть от долгов».

Судя по повести Гарина-Михайловского «Инженеры», действие которой происходит во время Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, и через полвека интенданты оставались коррупционерами. Для главного героя, инженера-путейца Карташева, который работает на строительстве железной дороги в Бендерах, «самым неприятным... были сношения с интендантством».

Его дядя поясняет, что интендантов нужно «кормить и поить, сколько захотят» и давать им «откаты»: «за каждую подводу, за соответственное количество дней они тебе будут выдавать квитанцию, причем в их пользу они удерживают с каждой подводы по два рубля... Будет у тебя квитанция, скажем, на десять тысяч рублей, ты и распишешься, что получил десять, а получишь восемь». Ведь если «дают цену хорошую, отделить два рубля можно, а не отделишь — все дело погибнет».

Другие взяточники тоже особенно не стесняются: один инженер на глазах у Карташева дает взятку полиции, поясняя: «Сказал, что будем строить дорогу, что полиция будет получать от нас, что ему будем платить по двадцать пять рублей в месяц, а за особые происшествия отдельно...»

Полицейскому этого мало: «А когда будете брать справочные цены, это как будет считаться — особо?» Пришлось его разочаровать: «Справочные цены только у военных инженеров да в водяном и шоссейном департаментах».

Рейдеры XIX века

В конце XIX века концессии на строительство железных дорог принесли мздоимцам и лихоимцам многие миллионы рублей.

Использовалась коррупция и для рейдерства. О схемах захвата бизнеса середины позапрошлого века с использованием «административного ресурса» рассказывает роман Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» 1883 года.

Богатый уральский золотопромышленник, владелец Шатровских заводов Александр Привалов после смерти жены ударился в загул и женился на примадонне цыганского хора, которая недолго хранила ему верность, а, будучи разоблаченной, убила мужа.

Сыну Привалова Сергею — главному герою — в это время исполнилось всего восемь. Цыганка вышла замуж за любовника, который сделался опекуном над малолетними наследниками.

За пять лет он «спустил последние капиталы, которые оставались после Привалова» и «чуть было не пустил все заводы с молотка».

Но за юных наследников энергично заступает друг семьи и честный промышленник Бахарев, и опекун «вынужден ограничиться залогом в банк несуществующего металла»: «Сначала закладывалась черная болванка, затем первый передел из нее и, наконец, окончательно выделанное сортовое железо».

Эта ловкая комбинация дала целый миллион, но в скором времени история раскрылась, организатор аферы попал под суд.

Долги опекуна-афериста переводятся на наследство опекаемых, а заводы переходят под госопеку. Бизнес прибылен, но жулик-управляющий «в один год нахлопал на заводы новый миллионный долг». Когда совершеннолетний Сергей Привалов начинает разбираться с заводами, эти два долга с процентами составляют уже около четырех миллионов.

Первое и важнейшее условие успешного рейдерского захвата обеспечено — актив обложен долгами.

У российской теневой экономики скоро юбилей. Она возникла как ответ на военный коммунизм 1918-1921 годов, окрепла во время нэпа и окончательно закалилась в жестких тоталитарных условиях 30-х годов.

Какое-то время заводами управляет Бахарев, они начинают приносить до 400 тыс. руб. годового дохода, а потом все идет по-старому: у руля Половодов — управленец, думающий лишь о собственном кармане. По его отчету, «дивиденда» всего 70 тыс., да и эти цифры завышены. Из них нужно исключить 20 тыс. за продажу металла, оставшегося после Бахарева, 15 тыс. земского налога, которые Половодов и не думал вносить. Итого остается всего 35 тыс. Далее Половодову в качестве поверенного причитается 5% с чистого дохода: это составит три с половиной тысячи, а он забрал целых десять.

Составляется докладная записка губернатору, авторы которой «не пожалели красок для описания подвигов Половодова». Губернатор поначалу круто поворачивает дело, и Половодова отстраняют.

Появляется надежда привлечь его к уголовной ответственности за мошенничество, но победа длится недолго: вскоре Половодов снова восстановлен в своих полномочиях, а губернатор принимает Привалова довольно сухо: «какая-то искусная канцелярская рука успела уже «поставить дело» по-своему».

Стоит героических усилий еще раз убедить губернатора в необходимости принять меры для ограждения интересов наследников заводов. «Двухнедельные хлопоты по всевозможным канцелярским мытарствам» приводят к новому отстранению Половодова от должности, но он успевает вынуть из заводов большую сумму: «у него в кармане голеньких триста тысяч...»

«В маленьком городе поставляли в виде взяток до 800 ведер водки городничему, частным приставам и квартальным надзирателям», — пишет Лев Лурье в книге «Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка»

Ситуация с выплатой долгов оттягчается, но все было бы поправимо, управляй Шатровскими заводами сам хозяин, ведь ему нет смысла красть у себя. До этого, однако, не допускают. Заводы по-прежнему формально находятся под госопекой, и государство единоличным решением выставляет их на конкурс и продает в счет покрытия долга. Купила их «какая-то компания», «заводы пошли по цене казенного долга, а наследникам отступных, кажется, тысяч сорок...» «Компания приобрела заводы с рассрочкой платежа на тридцать семь лет, то есть немного больше, чем даром. Кажется, вся эта компания — подставное лицо, служащее прикрытием ловкой чиновничьей аферы».

И все это при том, что в правление Александра II (1855-1881 годы) антикоррупционная политика была ужесточена. Начали публиковать данные о состоянии имущества чиновников, причем в него включалось имущество, записанное на жену.

Запрет занимать государственные должности распространялся и на детей чиновников-дворян, уличенных в коррупции.

Дальше — больше.

При Александре III (1881-1894 годы) были введены новые запреты для чиновников, соответствовавшие духу времени: на членство в правлениях частных акционерных обществ, на получение самим чиновником комиссии при размещении государственного займа и пр..

Борьба с коррупцией продолжалась...

«23» сентября 2019 год

Дементьева Н.В..